

Аполлонов Иван Александрович

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии
Кубанского государственного
технологического университета

Apollonov Ivan Aleksandrovich

PhD, Associate Professor,
History and Philosophy Department,
Kuban State Technological University

Пархоменко Елена Владимировна

старший преподаватель кафедры
истории и философии
Кубанского государственного
технологического университета

Parkhomenko Elena Vladimirovna

Senior Lecturer,
History and Philosophy Department,
Kuban State Technological University

ИНАКОВОСТЬ КАК ОТСТРАИВАНИЕ СЕБЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА [1]

OTHERNESS AS BUILDING SELF IN LINGUISTIC WORLD IMAGE [1]

Аннотация:

Составляющая фундаментальную часть человеческого опыта проблема инаковости исследуется в статье в рамках философского дискурса. Одномерность и парадоксальное состояние современного субъекта актуализируют поиск герменевтических моделей «я» – «другой». Рассмотрено пространство языковой картины мира как сфера встречи с «другим», что одновременно является выявлением себя. Сфера языковой картины мира представлена как антиномия укоренения нас в «другом» и преграды нам его понять. Аналитическое исследование глубокой инаковости, отраженное в трудах Ж. Лакана (разграничение «Другого» и «другого»), позволяет реализовать замысел данной работы используя подход «аналектики» Э. Дусселя в русле бинарной оппозиции: инаковость/«другой» – тотальность / «то же», что способствует выходу на новый уровень пограничного сознания субъекта – отстраиванию себя, понимаемому в ключе А. Бадью как «Быть готовым к событию»: быть в расположении, позволяющем признать новую возможность только благодаря наличию другого в пространстве трансмодерности.

Ключевые слова:

инаковость, «я», «другой», языковая игра, отстраивание, субъект, экстериорность, одномерный человек, аналектика, Herrschaft und Knechtschaft (господство и подчинение), трансмодерность.

Summary:

The problem of otherness is investigated as a fundamental component of human experience within a philosophical discourse. The one-dimensionality and a paradoxical state of the modern subject update the search for self – other hermeneutic model. The area of the linguistic world image is considered as the scope of meeting with other that at the same time is the identification of self. The scope of the linguistic world image is presented as an antinomy of deepening us in other and obstacle for us to understand it. The analytical research of the profound otherness reflected in J. Lacan's works (a distinction between the big Other and the little other) allows one to conduct this study using an approach of analectics by E. Dussel in line with such binary opposition as otherness/"other" – totality/the "same". It helps break new ground of boundary consciousness of the subject, i.e. building of self, that is understood by A. Badiou as the "readiness for the event", in other words, being able to acknowledge the new possibility only thanks to the presence of other in the transmodernity.

Keywords:

otherness, self, other, language game, building, subject, exteriority, one-dimensional person, analectics, Herrschaft und Knechtschaft (Lordship and Bondage), transmodernity.

Современная социокультурная реальность представлена как пространство, имеющее множество измерений с тенденцией к постоянно возникающим новым формам идентичности и субъектности. С одной стороны, сетевое измерение создает все условия для пересечения культур, способствуя тем самым более тесной коммуникации, а следовательно, и пониманию. Однако, с другой стороны, подобное пересечение культурных миров дробит субъект, что влечет за собой трансформацию духовно-нравственного аспекта и затрудняет ценностно-смысловую интерпретацию любых действий индивида.

Импровизации с виртуальной реальностью изменили все существующие способы межличностного взаимодействия. На этом акцентируют внимание постмодернисты: «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга... Контакт ради контакта становится родом пустого самособлазна языка, когда ему уже просто нечего сказать» [2, с. 3–4]. В игровом пространстве виртуальной реальности языка-симулякра субъект пребывает за многослойной стеной (культурной, языковой, эмпирической) в некоем пограничье. Причем отсутствие четких границ трансформирует и образы многочисленных «других», которые теряют прежнюю устойчивость, и их образы скользят по различным рядам означающих, но без выхода к их реальным денотатам.

Однако подобная многомерность виртуального игрового пространства не ведет к усложнению личностной структуры человека. Напротив, в нем личность упрощается до «одномерного человека», лишённого социально-критического ориентира, с искаженным видением мира и утратой смыслов бытия [3]. В качестве репрезентации себя мы наблюдаем ситуацию мелькания масок новейшей эпохи, порой выражающую «клинические» смыслы. «Аутентификация патологических видов маски осуществляется через дисгармоничное сочетание, болезненную фрагментированность, расщепление, фантомность и симуляцию образов “я”, “другого” и мира» [4]. Ситуация обезличивания в процессе примеривания многочисленных масок и постоянного пересечения границ между виртуальными мирами заставляет субъекта искать новые способы и механизмы, позволяющие понимать «других», а вместе с ними и себя, с помощью чего будет возможен прорыв универсальной одномерности, формирование новых влечений и потребностей, «новой чувственности» (Г. Маркузе).

В данном контексте проблема инаковости, поставленная еще в метафизике Платона (диалог «Тимей»), «где тождественное и иное обнаруживаются вместе» [5], вышла в область междисциплинарных исследований и получает особую актуальность в XXI в. ввиду «парадоксального состояния индивида, вынужденного осуществлять поиск ориентиров, соотнося свое поведение с поведением других людей» [6].

Ввиду того что в ситуации постмодерна языковая картина мира занимает статус формы бытия сознания, современная эпистемология выявляет новые матрицы познавательных практик, способных выстраивать продуктивный диалог «я» – «другой». Поэтому в качестве пространственного поля отношения к инаковости нами будет рассмотрена сфера языка. Согласно концепции российского лингвиста С.Г. Тер-Минасовой, «языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира» и является формой окружающего человека мира [7, с. 38–40]. Тем самым язык формирует содержательные границы «второй природы» человека.

Проводя языковую структуризацию человеческого опыта, аналитическое направление философии языка рассматривает модель данной формы как сложную архитектуру, образно представленную в трудах Л. Витгенштейна: «Язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами» [8]. В определенных речевых актах субъект задействует те или иные фрагменты подобной архитектуры, однако другие ее элементы так же имплицитно в данных актах присутствуют, порождая те или иные коннотативные связи. Тем самым, представляя собой синергетическую систему, где все жизненные миры связаны так, что образуют онтологическое единство, погруженное в языковые структуры, языковая практика представлена определенным набором ситуативных правил (языковые игры), определяющим наши речевые акты, на которые указывают границы моего языка-мира [9]. Прагматический анализ языка (У. Куайн, Н. Гудмен), построенный на синтезе точки зрения поведения говорящих и слушателей, ликвидирует разницу между «миром как он есть сам по себе» и сферой человеческих знаний о нем, однако требует понимания языка: непрерывного процесса приспособления к интерпретируемым высказываниям (Д. Дэвидсон) «другого», через которого возможна и саморефлексия.

Язык, согласно этической феноменологии Э. Левинаса, есть та зона, где происходит осмысленное столкновение с «другим». «Происходит выявление себя, оставаясь абсолютно внешним по отношению к любому образу, который он вызывает. В языке экстериторность осуществляет себя, раскрывает себя со всей присущей ей силой» [10, с. 276–278]. Необходимость «другого» (при условии признания) для осознания индивида подчеркивает и Г. Гегель. Инаковость является для него установленной диалектикой самого себя, собственного самосознания: «Самосознание индивида достоверно знает себя самого, но не “другого”, и потому его собственная достоверность о себе еще не обладает истиной» [11, с. 99–100].

Философское осмысление инаковости сопровождается попытками исследователей выйти за пределы только лишь философского дискурса. Исследуя глубинную инаковость, французский психиатр Ж. Лакан представляет пространство языковой картины мира как антиномию укоренения нас в «другом» и внутренней преграды для его понимания. Психоаналитический опыт показывает, что в процессе диалога «я» не в состоянии знать, что же именно находится в поле, где протекает конкретный диалог с «другим». «Я» всегда имеет дело с теми, с кем происходит самоотождествление (а), однако собственная инаковость «другого» (А) находится за границей подобных самоотождествлений. Лакан подчеркивает: функция речи на самом деле имеет дело с «другим» (А), к которым мы призываем на самом деле (истинные субъекты), однако довольствоваться нам приходится только их тенями. «Они находятся под другую сторону стены языка. Это ведь к ним, по сути дела, обращаюсь я каждый раз, когда произношу слово истины, но достигает оно, по законам отражения, лишь а' да а"» [12, с. 351–352]. Инаковость «другого» в этом ключе не воспринимается как угроза, она интегрируется в область привычного этического дискурса, где

«другой» уже не воспринимается как чуждый: «позитивный аспект этих отношений проявлен в нравственных ситуациях опыта встречи, дарения, исповедания в качестве форм отношения к “другому”, выраженных в языке, где проявляет себя необъективируемая реальность» [13].

В данном контексте «другой» уже не может быть редуцирован к набору тех или иных ролей, воплощающих драматургию законченных смыслов. Он предстает непредумышленной данностью себя как субъекта, онтологически превышающего все возможные роли и идентификационные образы. Тем самым он открывает и субъектность моего «я», выводит меня из состояния данности объекта, слитого со смыслами имплицитной картины мира.

Данный тезис раскрывает Э. Дуссель в концепции «аналектики», в которой концепт инаковости воспринимается как задающий импульс движению «новизны», что в культурном аспекте можно описать в гегелевских гештальтах *Herrschaft und Knechtschaft* [14]. При этом «трансгрессия» (Ж. Баттай) способна переводить подчинение очевидности предрассудков сознания в освобождение от ограниченности «обмана веры» (Л.Н. Толстой), но с удержанием подлинного зерна этой веры. Подобная трансгрессия возможна только на основе осмысления собственного социокультурного опыта, но критически соотношенного с иным. Данный процесс требует, согласно Э. Дусселю, как уважения к своему, так и «прочтения» других, когда субъект восходит к духовному уровню бытия, к тому, «что действительно... оно есть то, что вступает в отношения» [15, с. 18], видимые сквозь призму категорий: инаковость/«другой» (экстериорность, открытость новому, диалогичность) – тотальность / «то же» (центр, одномерность, монологичность). Данный аспект бинарных оппозиций позволяет мыслить ситуацию зависимости и свободу через выход за границу собственной самопонятности (преодоление предела самоочевидности), требующей постоянного становления и переутверждения себя в коммуникации с «другим» в пространстве языка.

Тем самым язык способен развернуть то пространство смыслов, которое способно вместить и исходную привычность себя, и изначально чуждую инаковость «другого». Подобный модус языка не сводится лишь к виртуальной гиперреальности игровых симулякров, поскольку смысловое содержание последних герметично, способно множить лишь смысловые коннотации, следы и повторы. Язык диалога, напротив, направлен на «другого» в его жизненной цельности. Тем самым в нем разворачивается апофатическая открытость смыслов, выводящая субъектов диалога на более высокий уровень сложности, на котором открывается скрытая целостность видимых противоположностей.

И в этом модусе языка именно «другой», причем «другой» в его бытийной реальности, а не в качестве одной из игровых идентификационных масок, является условием продуцирования моих изменений, поскольку его инаковость предоставляет мне возможность творить невозможное из моей самости. «Это исполнение есть потребность в переходе, который вбирает в себя все бывшее и подготавливает будущее» [16, с. 7]. Исходя из этого, освобождение равно конструированию себя перед лицом тотальности, предполагающему хайдеггеровскую вовлеченность человеческого присутствия в мир (*Dasein*) [17] и попадание в возможность-бытия.

Данное положение обусловлено предварительным признанием возможности и необходимости «бытия-с-другими», уже не понимаемого в ключе «*L'enfer, c'est les autres*» Ж.-П. Сартра, поскольку в нем преодолевается бинарная оппозиция «господство – подчинение». Это движение через новизну инакового есть жизнь каждого человека от рождения до смерти, отсылающая к идее вечного возвращения Ф. Ницше: «сущее, которое как таковое в качестве своей основной особенности имеет волю к власти, может в целом быть только вечным возвращением того же самого» [18, с. 249].

Экстериорность в этом ключе обретает определенные черты видимости: «В тот момент, когда другой глядит в глаза своего, понимая, что он был изобретением этого своего... и когда субъект осознает, что свой его сделал иным, чтобы доминировать, именно тогда и возникает трансмодерность как иное пространство мышления и действия» [19]. Данная мысль Э. Дусселя выводит на новый уровень понимания наше пограничное сознание и способствует отстраиванию себя, которое А. Бадью назвал «Быть готовым к событию», т. е. быть в расположении, позволяющем признать новую возможность, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями [20, с. 11]. Этот концепт приводит к тому, что несовместимые друг с другом, но одинаково сочетаемые с языковой осмысленностью мира становятся совместимыми и в этическом дискурсе, рожают особый тип субъектности, что может быть проиллюстрировано словами Х. Аргуэльеса: «Я – это другой Ты!».

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что философское осмысление проблемы инаковости, позволяющее рассматривать уникальные формы концепта «я» – «другой» в пространстве языковой картины мира, способно генерировать новые тексты и смыслы, обеспечивать реализацию цельности субъекта в поле трансмодерности. Отстраивание себя путем развития пограничного сознания выводит данную область исследования в сферу междисциплинарности, что способствует выявлению всевозможных жизненных моделей множественной идентичности

современного мира, обретая при этом многомерную структуру личностной целостности. Тем самым открывается возможность осуществления транскультурального перевода с языка одной инаковости на язык другой, что позволяет обществу осознать различные процессы современного развития мира в их целостности.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации федеральной целевой программы «Русский язык».
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек : пер. с англ. М., 1994. 368 с.
4. Тихомирова Е.Г. Маска как форма репрезентации смыслов культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2016. 50 с.
5. Платон. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. Т. 3, ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Loseva и В.Ф. Asmusa. СПб., 2007. 752 с.
6. Смоляк О.А. Европейский дискурс другого: проблема ориентирования современного человека в жизненном мире : дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2004. 217 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 259 с.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования. Кембридж. Янв. 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%BB%D1%8E%D0%B4_1.pdf (дата обращения: 10.10.2017).
9. Die Grenzen meiner Sprache bedeuten die Grenzen meiner Welt. Cit. ex: Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. Logisch-philosophische Abhandlung. Frankfurt am Main, 1969. S. 89.
10. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М. ; СПб., 2000. 416 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000. 495 с.
12. Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. Я в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) / пер. с фр. А. Черноглазова. М., 1999. 520 с.
13. Звягинцева Е.И. Инаковость и ее границы: опыт феноменологии другого : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2014. 21 с.
14. Hegels G.W.F. Phänomenologie des Geistes. Leipzig, 1907. S. 123–131.
15. Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 18.
16. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. Т. 2. СПб., 2007. 456 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 2015. 460 с.
18. Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. С. 249.
19. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности [Электронный ресурс] // Вопросы социальной теории : науч. альм. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. С. 191–217. URL: <https://iph-ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/10.pdf> (дата обращения: 25.11.2017).
20. Бадью А., Тарби Ф. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М., 2013. 170 с.